

Глава XXII. ФИНАНСОВЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ. ПРОДАЖА ИМУЩЕСТВ ДУХОВЕНСТВА

Самая главная трудность для революции состояла в том, что она вынуждена была пробивать себе путь при ужасных экономических условиях. Банкротство государства висело, как угроза, над головой тех, кто взялся управлять Францией, и если бы дело действительно дошло до банкротства, то это восстановило бы против революции всю богатую буржуазию. Если дефицит был одной из причин, вынудивших у королевской власти первые конституционные уступки и придавших буржуазии достаточно смелости, чтобы требовать свою долю участия в управлении, то тот же самый дефицит все время, как кошмар, тяготел над революцией.

Правда, в то время государственные займы не были еще международными, и Франции нечего было бояться, что другие нации, согласившись между собой, захватят ее области, как это случилось бы теперь, если бы какое-нибудь европейское государство во время революции объявило себя банкротом. Но ей приходилось заботиться о внутренних заимодавцах. Прекращение платежей по государственным займам было бы разорением для стольких лиц, что против революции восстала бы вся буржуазия, крупная и средняя, т. е. все, кроме рабочих и самых бедных крестьян. Вот почему и Учредительное, и Законодательное собрание, и Конвент, и позднее Директория должны были в течение целого ряда лет делать невероятные усилия, чтобы избежать банкротства.

Средство, на котором остановилось Собрание в конце 1789 г., заключалось в том, чтобы конфисковать церковные имущества и пустить их в продажу, а духовенству платить взамен этого постоянное жалованье. Церковные доходы оценивались в 1789 г. в 120 млн. ливров, получаемых от «десятины», 80 млн. доходов от разных имуществ (домов и земель, стоимость которых оценивалась немного больше 2 тыс. млн.) и около 30 млн. пособия, платимого ежегодно государством. В общем это составляло до 230 млн. в год. Доходы эти, конечно, распределялись между членами духовенства самым несправедливым образом. Епископы жили в утонченной роскоши и соперничали в расточительности с богачами-аристократами и принцами, тогда как городские и сельские священники бедствовали. Поэтому 10 октября епископ города Отена Талейран предложил, чтобы государство завладело всеми церковными землями, пустило их в продажу и назначило духовенству достаточное жалованье (1 200 ливров в год и квартиру на каждого священника); а остальное употребило бы на покрытие части государственного долга, составлявшего 50 млн. пожизненной и 60 млн. вечной ренты, т. е. 110 млн. ливров одних процентов, которые

надо было платить каждый год. По тем временам это был очень большой долг для Франции*. Продажа церковных имуществ — земель и домов в городах — давала возможность покрыть дефицит, уничтожить остатки соляного акциза и не рассчитывать больше на продажу должностей, офицерских и чиновничьих, покупавшихся у государства. Вместе с тем продажей церковных земель имелось в виду создать новый класс земельных собственников, которые чувствовали бы свою связь с приобретенной ими в собственность земель.

*Ливр был почти равен франку, т. е. 40 копейкам.

Такой план возбудил, разумеется, сильные опасения во всех тех, кто владел земельной собственностью. «Вы ведете нас к аграрному закону!» — говорили в Собрании*. «Знайте, что всякий раз, когда вы начнете добираться до происхождения земельной собственности, народ тоже начнет добираться до этого вместе с вами!» Таким образом владельцы земель сами признавали, что в основе всякой земельной собственности лежит несправедливость — захват или обман.

*Под словом «аграрный закон» (loi agraire) подразумевалось тогда законодательство, которое установит всеобщий раздел всех земель так, чтобы всякий желающий обрабатывать землю мог получить свою долю.

Но буржуазия, не владевшая землей, была в восторге от плана, предложенного Талейраном. Им избегалось банкротство государства, а вместе с тем буржуазии представлялась возможность покупать церковные земли. А так как слово «экспроприация» пугало благонамеренных собственников, то нашли способ избежать его. Было сказано, что имущества духовенства поступают в распоряжение нации, и решено было, что их тотчас же будет пущено в продажу на сумму до 400 млн. ливров.

2 ноября 1789 г. был тот памятный день, когда экспроприация церковных имуществ была принята Собранием 568 голосами против 346. Трехсот сорока шести! Эту цифру стоит запомнить. Отныне эта оппозиция, превратившаяся в заклятых врагов революции, стала делать все возможное, чтобы принести конституционному строю, а впоследствии республике как можно больше вреда.

Но значительная часть буржуазии, находившаяся, с одной стороны, под влиянием энциклопедистов, а с другой — под страхом неизбежного банкротства, не дала себя запугать. Когда громадное большинство духовенства, а в особенности монашеские ордена, начали интриговать против экспроприации церковных имуществ, Собрание провело (12 февраля 1790 г.) закон об упразднении вечных монашеских обетов и монашеских орденов обоего пола. Оно проявило некоторую слабость только в том, что не тронуло пока тех монашеских общин, которые занимались обучением детей и уходом за больными. Они были уничтожены только 18 августа 1792 г., после взятия Тюильри.

Можно себе представить, какое негодование вызвали эти законы в среде духовенства, а также и всех тех, а в провинции число их было громадно, кто находился под его влиянием! Тем не менее до тех пор, пока духовенство и монашеские ордена надеялись удержать за

собой управление своими громадными имениями, они не особенно проявляли свое неудовольствие. Раз управление оставалось за духовенством, его имения являлись как бы взятыми правительством в опеку как гарантия государственных займов.

Но долго продолжаться такое положение вещей не могло. Казна была пуста, налоги не поступали; заем в 30 млн., принятый Собранием 9 августа 1789 г., не удался; другой заем, в 80 млн., объявленный 27-го числа того же месяца, дал слишком мало. Затем 26 сентября после знаменитой речи Мирабо Собрание предписало взыскать чрезвычайный сбор со всех имущих, равный четверти их годового дохода. Но и этот налог был сейчас же поглощен процентами по прежним займам; и тогда явилась мысль о выпуске ассигнаций, т. е. кредитных билетов, по мере надобностей государственного казначейства. Обеспечением этих бумажных денег должны были служить громадные «национальные имущества», конфискованные у духовенства и пущенные в продажу, причем кредитные билеты (ассигнации) предполагалось скупать и уничтожать по мере поступления платежей за проданные церковные имущества.

Революция развивалась теперь под угрозой гражданской войны, гораздо более ужасной, чем уже начавшаяся борьба против королевской власти, под опасением вооружить против себя буржуазию, которая хотя и преследовала свои собственные цели, но во всяком случае предоставляла народу возможность освободиться от помещиков и пережитков крепостных отношений, тогда как она сразу повернулась бы против всяких освободительных попыток, если бы капиталам, вложенным ею в займы, стала угрожать опасность. Поставленная перед необходимостью выбрать между этими двумя опасностями, революция остановилась на плане выпуска ассигнаций, гарантируемых продажей национальных имуществ.

Всякому ясно, какие громадные спекуляции вызвали эти две меры: продажа в больших размерах национальных имуществ и выпуск ассигнаций! Легко угадать и то, какой разврат внесли они в революцию. А между тем до сих пор ни политэкономы, ни историки, критиковавшие эти меры, не могли указать никакого другого средства удовлетворить самые насущные нужды государства. Прошлые французского государства — преступления, злоупотребления, воровство, войны старого королевства тяжелым бременем падали на революцию. Имея на плечах всю громадную тяжесть долгов, завещанных ей старым порядком, революция неизбежно должна была нести на себе их последствия.

29 декабря 1789 г. по предложению парижских «округов» (см. ниже гл. XXIV) заведование имуществами духовенства было передано муниципалитетам, которые должны были пустить их в продажу на 400 млн. Это был решительный шаг. С этого момента духовенство, за исключением нескольких деревенских священников, друзей народа, отнеслось к революции с непримиримой, чисто клерикальной ненавистью. Освобождение монахов и монахинь от их монашеских обетов еще более разожгло эту ненависть. По всей Франции духовенство стало тогда душой заговоров с целью возвращения старого порядка и феодализма. Оно же было душой той реакции, которая, как мы увидим, взяла верх в 1790 и 1791 гг. и чуть было не остановила дела революции.

Тем временем буржуазия продолжала бороться и не поддавалась. В июне и июле 1790 г. Собрание занялось обсуждением важного вопроса — внутренней организации церкви во

Франции. Духовенство было теперь на жалованье у государства, и законодатели задумали освободить его из-под власти Рима и окончательно подчинить его конституции. Епископства были слиты с новыми департаментами. Число их таким образом уменьшилось, и две административные единицы, духовная и светская, епархия и департамент, сливались в одну, что, конечно, не нравилось духовенству. Впрочем, с этим оно, может быть, еще помирилось бы, но по новому закону избрание епископа предоставлялось собранию выборщиков, тем самым, кто избирал депутатов в палату, судей и всю администрацию.

Епископ лишался таким образом своего духовного характера и становился чиновником на службе у государства. Правда, и в старинной церкви епископы и священники избирались народом; но собрания избирателей, созываемые для избрания политических представителей и чиновников, не то, что старинные собрания всех верующих. Как бы то ни было, верующие увидели в этом посягательство на старые церковные уставы, и духовенство использовало это недовольство. Оно разделилось на две партии: одна — духовенство конституционное — подчинилась, по крайней мере по внешности, новым законам и приняла присягу конституции; другая же — отказалась от этой присяги и стала открыто во главе контрреволюционного движения. Таким образом, в каждой провинции, в каждом городе, в каждой деревне, в каждом поселке перед жителями вставал вопрос: будут ли они за революцию или против нее? И везде началась жестокая борьба. Из Парижа революция переходила теперь в каждую деревню. Из парламентской она делалась всенародной.

Законодательная работа, совершенная Учредительным собранием, носила, следовательно, буржуазный характер. Но нет сомнения, что она была громаднa в смысле введения в привычку народа политического равноправия, в деле уничтожения пережитков господства одного человека над личностью другого и в пробуждении чувства равенства и возмущения против всякого неравенства. Нужно помнить, однако, как сказал Луи Блан, что для поддержания огня в очаге, который представляло собой Собрание, необходимо было «дуновение ветра с городской площади». «В эти великие дни, — прибавляет он, — из самых волнений бунта исходило столько мудрого вдохновения! Каждое восстание было так полно мысли!» Иначе говоря, улица, уличная толпа, все время толкала Собрание вперед в деле общественного переустройства. Даже революционное Собрание или по крайней мере Собрание, революционно устанавливавшее свою власть, каким было Учредительное собрание, даже оно не сделало бы ничего, если бы народ все время не толкал его и если бы своими многочисленными восстаниями, почти всегда одушевленными идеей общего блага, а не личного захвата, он не сломил сопротивления контрреволюции.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:32:28

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:32:45